

Он отпил лишь глоток и встал:

— Твой кислый суп недостаточно кислый, безвкусный, впредь не готовь его, просто зажигай фонари.

Сказав это, он встретился с взглядом госпожи Бай, полным сожаления.

— Мама, мои раны зажили, завтра утром вернусь в армию на тренировки.

Хо Линьфэн действовал быстро, объявив о своём решении, сразу же начал собирать вещи. Всего лишь несколько одежд и носков, упаковал их, увидев, что половина окна открыта, пропуская лунный свет. Он подошёл к закрытой части окна, воспользовался светом, чтобы протереть свой меч Цзюэмин, свою главную ценность.

Послышались шаги, Ду Чжэн снова пришёл на ночное дежурство, затем более лёгкие шаги, неизвестно чьи.

— ... Не смеет злиться, как она может злиться?

Шепот Мэйцзы, сопровождаемый согласием Ду Чжэна.

— Бицзань и другие смеются над ней, странно, у них даже нет возможности приготовить кислый суп, не то что у Баююэ.

Ду Чжэн сказал:

— Молодой господин сказал, что не кислый, Баююэ должна была принести уксус!

Они захихикали, прикрывая рты, под окном веселились. Хо Линьфэн закончил протирать меч, высунул голову:

— Есть ещё что-то смешное? Если нет, я ложусь спать.

Ду Чжэн испугался, запрокинув голову, Мэйцзы покраснела, болтая со слугой, и была поймана господином, это было ужасно... Хо Линьфэн почувствовал что-то плохое, подумав, что эти двое выглядели как пойманные в прелюбодеянии. Но сказать этого он не мог, иначе Мэйцзы через час бросилась бы в озеро.

— Нет слов? — спросил он, махнув рукой. — Тогда расходитесь, я устал.

После победы вдруг наступил мир, действительно было немного свободного времени, но и работы хватало: пленные, территории, сдавшиеся жители — всё требовало внимания. Хо Линьфэн сидел в военном шатре, разбирая сотни тюркских оружий, короткие клинки, медные наконечники стрел, как девушка, выбирающая цветы, ему всё нравилось.

Вошел чиновник, ведущий учёт, сначала поклонился:

— Генерал, упряжь уже занесена в реестр, пожалуйста, ознакомьтесь.

Хо Линьфэн взял документ, тюрки были непревзойдёнными наездниками, после каждого боя оставалось много упряжи:

— А где уздечка Мохэлу?

Тот тюркский генерал, ездивший на степных скакунах, с уздечкой из кости, он давно мечтал о ней.

К концу вещей оказалось так много, что даже браслеты были. Хо Линьфэн никогда не боялся нарушать правила, по званию построил солдат в очередь, чтобы они выбирали. Когда стемнело, разожгли костёр, поставили жирного барана, запах крови и алкоголя смешался с холодной пустынной ночью.

Тяжёлый бой, но они выжили, это была удача, заслуга, предки благоволили.

— Пойте громче, как птицы!

Песня началась, Хо Линьфэн крикнул, вытащил кинжал, на лезвии которого была чья-то кровь. Он отрезал кусок баранины, запил вином, песня зазвучала громче.

У него была флейта из кости орла, размером с ладонь, звук был печальным. Когда-нибудь, может быть, в тридцать, пятьдесят, если повезёт, в семьдесят или восемьдесят? В любом случае, он умрёт на поле боя, конечно, если к тому времени будет мир, это просто его фантазии.

Его глаза наполнились теплом, мысли стали более романтическими, он представлял, как его безымянный спутник будет слушать его рассказы, а после его смерти сыграет на флейте. Призовёт его дух, восстановит его кости, и, если захочет, они обсудят следующую жизнь.

Он задумался слишком далеко, опустил голову, смущённо улыбнулся, это было неприлично.

Праздновали до полуночи, разошлись, по двое, обнявшись, зашли в шатры, те, кто напился, просто спали на земле. Все думали, что генерал, напившись и спев, проспит дольше, но на рассвете, ещё до крика петуха, прозвучал рог.

Хо Линьфэн был в лёгких доспехах, полный энергии, расставил патрульных, разведчиков, оставшихся в лагере, всё было организовано. С рассветом начались тренировки, он ходил между солдатами, кричал команды, добавлял песок в мешки, наказывал странными способами, даже заставлял держать песок во рту.

Такова была жизнь в мирное время, день за днём, с особой стабильностью.

Хо Линьфэн на этот раз ушёл из дома более чем на полмесяца, в полдень он тренировал солдат на плацу, когда издалека подъехал всадник.

— Молодой господин!

Это был Ду Чжэн.

Ду Чжэн хорошо знал дорогу, часто привозил сменную одежду или еду. Хо Линьфэн спрыгнул с командного поста:

— Дурак, почему ты с пустыми руками?

— Молодой господин, на этот раз я зову тебя домой!

Ду Чжэн был взволнован, размахивая руками.

— Из Чанъяня приехал важный чиновник! На поясе драгоценные камни, сапоги, подошвы

такие толстые.

Хо Линьфэн сказал:

— Ты отклоняешься от темы.

Ду Чжэн поспешно вернулся к сути, смущённо улыбаясь:

— Он сказал «Указ императора», и маркиз велел мне срочно вызвать тебя домой.

Указ? Учитывая, что весть о победе уже дошла, вероятно, это был указ о наградах. Хо Линьфэн не стал медлить, сразу же сел на лошадь и поскакал в город, но не удержался, на трясущейся спине лошади похвастался:

— Дурак, как тебе моя уздечка?

Ду Чжэн кивал, как маньяк, в душе завидовал, этот господин относился к лошади лучше, чем к нему.

Они быстро доехали до города, солдаты маркиза расчищали дорогу, чтобы не напугать людей. Без препятствий доехали до ворот усадьбы, Хо Линьфэн слез с лошади, поправил корону, расправил одежду, вошёл в дом и отдал меч слуге.

Прошёл через залы, в главном зале увидел чиновника с указом.

Перед чиновником стоял на коленях Хо Чжао, за ним госпожа Бай и Хо Цзинхай. Хо Линьфэн быстро встал на колени, опустил голову, видел только кончики сапог чиновника, действительно толстые.

— Война на границе, успешное подавление мятежа, — читал чиновник, — маркиз Динбэй и его семья — опора империи, заслуги в войне на западе невозможно описать, назначить главнокомандующим Хо Цзинхая генералом, командующим тремя армиями на северо-западе, пожаловать золото, жемчуг, военные мундиры.

Ожидаемо, Хо Линьфэн сохранял спокойствие, золото и жемчуг для него были менее ценны, чем захваченные в бою металлы. Что касается званий и власти, даже в своём юном возрасте он знал, что это зависит только от императора, нельзя проявлять высокомерие.

Чиновник продолжил:

— Заместитель командующего Хо Линьфэн, обезглавивший Мохэлу, проявил беспрецедентную храбрость, устранил варваров, вызвать маркиза Динбэй Хо Чжао и Хо Линьфэна в Чанъань для личного награждения.

Хо Линьфэн внезапно удивился, он обезглавил не только Мохэлу, устранил варваров не один день, почему именно сейчас...

— Указ завершён.

Чиновник сложил указ.

— Маркиз Динбэй, примите указ.

Вся семья поклонилась, Хо Чжао принял указ, нефритовый свиток, но он был горячим,

колючим. Хо Линьфэн украдкой посмотрел на отца, на брата, их лица были серьёзными.

Если даже такие тигры, как они, были в таком состоянии, что уж говорить о нежных женщинах.

Он поднял госпожу Бай:

— Мама, всё в порядке.

Утешая, погладил её по руке, лично проводил во внутренний двор, долго говорил приятные слова.

Госпожа Бай была расстроена, но на словах торопила:

— Иди обсуди с отцом и братом, не оставайся со мной.

Хо Линьфэн сказал:

— Не тороплюсь, вечером обязательно поговорю.

Главнокомандующий не должен ехать в Чанъань, а его, заместителя, вызвали, это вызывало тревогу.

— Мама, больше полумесяца не был дома, я похудел?

Он утешал госпожу Бай.

— Брат получил награду, пусть поделится со мной, хорошо?

Госпожа Бай молчала, смотрела на него, её взгляд был таким же, как перед отправкой на войну. Он остался до появления луны, поужинал, снял шпильки с волос госпожи Бай, подал успокоительный отвар.

Слуга позвал, в кабинет.

Хо Чжао и Хо Цзинхай сидели за шахматами. Хо Линьфэн сел рядом с Хо Цзинхаем, молча наблюдал за игрой. Вдруг Хо Цзинхай повернулся:

— Поедешь в Чанъань, рад?

Говорил, как о путешествии, Хо Линьфэн пошутил:

— Генерал Хо, почему ты не едешь?

Хо Цзинхай поставил последнюю фигуру:

— Не притворяйся невеждой, это раздражает.

Всё было слишком хорошо. Опоры империи должны быть правильного размера, их не должно быть слишком много, Хо Чжао на севере, Хо Цзинхай на границе, вместе они уже представляли мощную силу, а если добавить Хо Линьфэна, то семья Хо стала бы слишком могущественной.

Отец и сыновья знали это.

Судьба великих полководцев — вызывать зависть, особенно после многих лет службы на

севере, где они укрепились, это не удивительно.

— Судьба... ничего не поделаешь.

Хо Чжао вздохнул, ожидаемо, но не по справедливости, ведь они были верны, поэтому это было особенно горько.

Игра закончилась, видя, что отец и сын потеряли интерес, Хо Линьфэн перемешал фигуры, начал моделировать оборону:

— Брат, посмотри на мой драконий строй.

С энтузиазмом.

— Можешь прорвать?

Хо Цзинхай не был настроен играть, сказал:

— Будь осторожен, если совершишь ошибку, это будет не шестьдесят ударов палкой.

Затем его строгое выражение смягчилось, появилась доля холодной гордости.

— Но не будь слишком покорным, награды заслуживаешь, наказания, даже несправедливые, переноси с достоинством, не позорь семью Хо.

<http://bllate.org/book/16167/1449055>